

**ПЕТИЦИИ КРЕСТЬЯН, ЗЕМСКИХ И ГОРОДСКИХ
УЧРЕЖДЕНИЙ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПО УКАЗУ 18 ФЕВРАЛЯ 1905 Г.**

18 февраля 1905 г. под влиянием нараставших после «кровавого воскресенья» революционных событий был издан наряду с двумя другими государственными актами указ, который предоставлял населению право ходатайств по вопросам государственного значения. Указ этот действовал недолго. Уже 6 августа того же года одновременно с принятием положения о Булыгинской думе он был отменен.¹

Результатом действия указа были поступившие в Совет министров несколько сот петиций, принятых не только земскими дворянскими собраниями важнейших губерний, городскими думами крупнейших городов, предпринимательскими организациями, учеными, просветительными обществами и т. п., но и «низвыми» общественными учреждениями вплоть до сельских обществ и местных обществ содействия сельскому хозяйству.

Многие ходатайства наряду с критикой проекта законосовещательного представительства, подготовлявшегося министером внутренних дел Булыгиным, содержали требования созыва учредительного собрания, присвоения правительству законодательных, а не совещательных прав, избрания его всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, а также провозглашения буржуазно-демократических гражданских свобод. Выходя иногда за словесные границы верноподданнической лояльности, но по большей части соблюдая их, авторы обращений во многих случаях прямо указывали, что движимы страхом перед размахом революционных событий и преследуют цели консервации

---

¹Из трех государственных актов 18 февраля в «Новгородских губернских ведомостях» (23 февраля 1905 г., № 16) был опубликован лишь манифест с призывом к борьбе с «крамолой». Ни указ о праве ходатайств, ни рескрипт министру внутренних дел А. Г. Булыгину, возглавлявший на него разработку проекта законосовещательного представительства, помещены не были. А незадолго до опубликования положения о Булыгинской думе 23 июля (№ 54) было напечатано одобренное царем и циркулярно разосланное всем губернаторам объявление ярославского губернатора, адресованное крестьянам, с указанием на то, что новгородский губернатор обращает на него внимание новгородского крестьянства. В нем содержалось предостережение против газетных толкований актов 18 февраля с предупреждением о неприкосновенности самодержавного строя и проклятиями «крамольникам».

существующего социально-экономического строя с помощью подновления его государственно-правовой структуры.

Лишь крестьянская демократия рассматривала созыв представительства как средство проведения социальных преобразований. В крестьянских ходатайствах содержались такие требования, как наделение крестьян землей посредством отчуждения казенных, церковных и частновладельческих земель, облегчение арендной платы с установлением ее законодательным путем, введение подоходного налога, уравнивание крестьян в правах с другими сословиями, возможность для них получения среднего и высшего образования за казенный счет.

Среди полученных Советом министров были и петиции из Новгородской губернии. Все они заслуживают специального рассмотрения и как типичные в различных группах петиций, и, наоборот, в силу специфических черт, которые некоторым из них были присущи. При этом следует прежде всего видеть в этих документах источники, отразившие положение некоторых групп крестьян губернии, уровень их самосознания, характер оппозиционности земских и городских организаций.

Рассмотрение документов, о которых идет речь, приобретает особое значение ввиду расширения круга введенных в оборот материалов по истории революционного движения в губернии в 1905—1907 гг.² Сопоставление петиций с прокламациями революционных организаций и различными сведениями об их деятельности позволяет наблюдать влияние социал-демократических групп губернии на радикализацию петиций, а официальные донесения о ходе революционных событий в ряде случаев способствуют установлению авторов петиций и обстановки, в которой они составлялись.

Одной из самых первых развернутых петиций среди всех земских явилась принятая 14 марта Чрезвычайным белозерским уездным земским собранием. Оно заслушало доклад уездной земской управы «по вопросу об экономическом положении крестьянского населения Белозерского уезда, вызванном неурожаем хлебов и другими причинами». Доклад этот — текст его вошел в состав присланной в Совет министров петиции — был примечателен в первую очередь благодаря содержащемуся в нем анализу истории аграрной политики за предшествовавшие 15 лет, результатом которого был вывод о том, что «причины крестьянского обеднения завязят не ст случай-

---

²Революционное движение в Новгородской губернии: 1905—1907 гг. / Под ред. В. И. Ромашовой. Л., 1980.

ных явлений, а от неправильности основных начал народной жизни, на которых зиждется современный строй народной жизни».³ При этом в докладе дело было представлено таким образом, будто неудачи аграрной политики правительства неоднократно признавались не только «русским обществом», но и самими властями.

В докладе отмечалось, что население уезда переживало четвертый подряд неурожайный год, что в минувшем году война отвлекла сверх обычной нормы до 2 тыс. работников. «В общем картина современного экономического положения крестьянского населения представляется в весьма мрачных красках, а состояние озимовых посевов и положение дел на войне не дают оснований предполагать, что оно может измениться к лучшему и в ближайшем будущем, — говорилось в докладе. — Надежды на скорое улучшение экономического положения крестьян, по мнению управы, следует признать уже потому малоосновательными, что ошибочно приписывать современное его расстройство только действию последних случайных явлений — неурожаям и войне. Бесспорно, что влияние этих факторов сильно ухудшило положение, но мы видим, что процесс крестьянского обеднения наблюдался задолго до них.

Впервые факт обеднения крестьян был признан правительством вскоре после освободительной реформы, в 70-х гг., но, к сожалению, это признание, вызвав только в первое время ряд частичных улучшений (отмена подушной подати, понижение выкупных платежей, учреждение Крестьянского банка, закон о переселениях и т. д.), не повлекло за собой радикальных реформ, способствующих упрочению экономического благосостояния народа. Что касается законодательного творчества в сфере крестьянского устройства за последние 15 лет, то оно мало касалось непосредственно экономической стороны жизни народа, а главным образом уделяло внимание вопросам крестьянского управления, устанавливая его на принципе бюрократической опеки в ущерб ранее принятому принципу самоуправления».⁴ Со ссылкой на «мнение громадного большинства» комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, образованных в губерниях и уездах для опроса населения в качестве вспомогательных органов учрежденного в 1902 г. Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, Белозерская управа констатировала, что пра-

³ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 7, л. 86.

⁴ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 7, л. 86 и след.

вительственные реформы «не только не способствовали улучшению крестьянского благосостояния, а, напротив, послужили ему во вред». Само учреждение этого совещания рассматривалось в докладе как признание правительством неудачи своей аграрной политики.

Снова ссылаясь на «громадное большинство комитетов», авторы заявляли, что «упадок благосостояния крестьян зависит от причин общего характера» и поддерживали выдвинутые этим большинством требования: 1) уравнивание крестьян в правах с другими сословиями, 2) введение для них подсудности общему с другими сословиями суду, 3) учреждение всесословной волости, мелкой земской единицы, с освобождением ее от полицейских и фискальных обязанностей и возложением расходов на содержание волостного правления на лиц некрестьянских сословий, 4) всеобщее широкое просвещение народа, 5) устранение крестьянского малоземелья, 6) применение системы государственных налогов, установление подоходного налога, 7) изменение экономической политики, покровительствующей обрабатывающей промышленности в ущерб земледелию, 8) учреждение мелкого народного кредита, 9) расширение земского самоуправления и пр.

При всей распространенности этих требований, особенно после земского съезда в ноябре 1904 г., критика правительственной аграрной политики в общероссийском масштабе с радикально-реформаторских позиций, как и вообще пристальное внимание к социально-экономическим вопросам, выделяло Белозерскую петицию из ряда земских документов такого рода. В них тема необходимости социально-экономических преобразований если и фигурировала, то лишь в качестве аргумента в пользу введения представительства и других политических реформ. В этом смысле Белозерская петиция может быть сравнена с петицией Череповецкого уездного земства, в которой в те же дни (она датирована 16 марта) также было уделено значительное внимание социально-экономическим сюжетам.⁵

Политическая часть петиции включала в себя почти все элементы получавшей все большее распространение максимальной земской программы — избрание будущего представительства на основе всеобщего, равного и тайного избирательного права с предоставлением ему не только совещательных полномочий, но и статуса законодательного собрания, привлечение к участию в совещании для разработки булыгинского про-

---

⁵Там же, л. 53.

екта выборных представителей земств и городов. Лишь одного из элементов этой программы — требования введения гражданских свобод в петиции не содержалось.

Критическому тону петиции соответствовало отсутствие в ней верноподданнической фразеологии. Однако смысл реформаторских мер был объяснен необходимостью «предотвращения крестьянских движений, возникающих на почве крайнего расстройств народа», ссылкой на «пример малороссийских губерний» и стремлением недопустить «насильственного нарушения прав и отобрания частной собственности».⁶ Как бы то ни было, влияние крестьянской демократии на характер требований в этом документе несомненно. Этому способствовала также деятельность председателя уездной земской управы Холопова, о связи которого с революционным учительством доносил инспектор народных училищ.⁷

В тот же день, 14 марта, когда заседало Белозерское земство, состоялось экстренное заседание Новгородской городской думы, посвященное также общероссийским проблемам, поднятым перед правительством в связи с обстоятельствами местного значения. Как известно, в феврале и марте в различных городах страны произошли революционные выступления учащейся молодежи. Расправы полиции с участниками этих выступлений (среди них было много подростков, так как движение охватило средние учебные заведения) вызвали резкие протесты представителей интеллигенции из различных городов, оказавшиеся и в петиционном потоке, хотя по содержанию и форме они имели с петициями мало общего. На выступления новгородских учебных заведений решила откликнуться и Новгородская городская дума. Образованная ею комиссия подготовила доклад. Подобно тому как обстояло дело в большинстве петиций, в этом докладе в качестве побудительного мотива его составителей фигурировало опасение того, что молодые люди увеличат контингент нарушителей общественного спокойствия и порядка.⁸ Однако критика всего строя школьной жизни и системы среднего образования в стране была весьма острой, а требования, выдвинутые для его реформирования, совершенно несоместимы с политическими принципами самодержавия. «Воспитательная деятельность в учебных заведениях, — говорилось в докладе, — ограничивается исключительно репрессивными мерами», «свидетельство с тройкою поведения безус-

⁶Там же, л. 83, 87.

⁷Революционное движение в Новгородской губернии. С. 124

⁸ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 7, л. 107.

ловно закрывает обладателю его двери учебных заведений», «ученики иногда беспощадно караются за такие проступки, маловажность которых очевидна». «В настоящее время средняя школа не обучает, а лишь постоянно экзаменует... в плоть и кровь большинства педагогов вкоренилась система единиц и двоек, действующих угнетающим образом на учащихся и убивающих любовь учеников к занятиям», — так оценивалась в докладе система обучения в школе.⁹

Утвердив доклад после речей гласных Е. И. Лебедева, И. И. Мамонтова, К. Ф. Масловского и председателя комиссии В. И. Соколова, дума признала, «1) что существующий строй средних учебных заведений совершенно не отвечает своему назначению и неотложно нуждается в коренном его изменении, 2) что в педагогическом совете средних учебных заведений необходимо участие представителей от местных общественных учреждений (города и земства), а также представителей от родителей учащихся, 3) что число представителей от местных общественных учреждений (города, уездных и губернского земств) должно быть не менее трех лиц от каждого учреждения, 4) что представители от общественных учреждений должны пользоваться полными и равными правами с прочими членами педагогического совета и в случае несогласия совета с их мнениями иметь право протеста высшему начальству по инстанциям, 5) что представители от родителей пользуются в совете лишь правом совещательного голоса, 6) что печальные события школьной жизни последнего времени, забастовки и протесты учащихся и учащихся являются прямыми и естественным последствием ненормального строя школы при существующих условиях общественного положения и 7) что вследствие того принимаемые против молодежи репрессивные меры являются незаслуженными, несправедливыми, грабительными как для них, так и для семьи и общества, о чем поручить управе теперь же от имени городской думы представить на благоусмотрение Совета министров».¹⁰

К этому документу примыкают по теме и две другие петиции — учителей и учительниц Кирилловского уезда и образованной согласно постановлению Кирилловского педагогического кружка комиссии для выработки проекта мероприятий в

---

⁹Там же, л. 108—109.

¹⁰Там же, л. 105—106. Ср. эти требования с двумя вариантами требований, выдвинутых учащимися на сходке 19 февраля, — одним, содержащимся в письме ученика Новгородского реального училища, и вторым в донесении начальника Новгородского губернского жандармского управления (Революционное движение в Новгородской губернии. С. 85—87).

деле народного образования. Петиция учителей и учительниц Кирилловского уезда, полученная в Петербурге 19 апреля, отражала надежды на реформы, имевшиеся как в крестьянской, так и в интеллигентской среде. «Мы, обитатели одного из медвежьих уголков нашей родины, спешим указать на те необходимые реформы, в осуществлении которых видим единственный выход России из современного тяжелого положения», — говорилось в петиции. Ее 8 требований носили радикально-демократический характер. Созывом учредительного собрания путем всеобщей, равной и тайной подачи голосов с правом решающего, а не совещательного участия в законодательстве, в учреждении бюджета, ответственностью министров перед народом, предоставлением гражданских свобод требования кирилловских учителей не ограничивались. Они требовали для всех независимого, гласного суда, всеобщего обязательного обучения за государственный счет, отмены выкупных платежей и косвенных налогов на предметы первой необходимости, введения прогрессивного подоходного налога, передачи всей земли в руки народа, охраны труда, свободы стачек, рабочих союзов, государственного страхования рабочих, введения восьмичасового рабочего дня, федеративного устройства окраин с возможно более широкой свободой местного самоуправления, заключения мира на Дальнем Востоке.¹¹

Разумеется, вся эта система требований означала серьезный политический вызов режиму при всех слабостях документов такого рода. Организатором этой петиции был первым подписавший ее учитель большевик Ф. Г. Чучин. Вместе с ним петицию подписали еще 19 учителей.

Как и эта петиция, заявление комиссии Кирилловского педагогического кружка 25 мая, примыкая к решению Новгородской городской думы по теме, оставляло данное решение далеко позади по радикализму своего содержания, вообще выходя за петиционные рамки. Сельские учителя, близко стоявшие к крестьянской демократии, сумели с большой выразительностью и полнотой изложить ее разносторонние требования. Выдвижение требований носило в документе по преимуществу агитационный характер. К тому же, как увидим, заявлению комиссии педагогического кружка была придана не верноподданническая форма, а демонстративно вызывающий по отношению к царскому правительству характер. Можно предположить, что это заявление, характеризовавшееся большей остротой постановки вопросов, явилось результатом дальнейшего революционизиру-

¹¹ЦГИА СССР. ф. 1276, оп. 1, д. 24, л. 198.

вания учительской среды после отправки первого, апрельского. В заявлении 25 мая требования были разбиты на группы—относящиеся к школьному делу, к социально-экономической сфере и к области государственных преобразований. Требования первой группы включали светскую доступную всему населению земско-муниципальную свободную школу с обязанностью обучения в ней, широкую и свободную постановку внешкольного просвещения, свободу для частной и общественной инициативы в области школьного дела, такие же права для религиозных ассоциаций при условии отделения церкви от государства, участия выборных представителей учительства в комиссиях, которые направляли бы учебное дело, установление преемственности между программами низшей, средней и высшей школы, автономию средней школы в области внутреннего распорядка и полную автономию высшей школы, обязательную государственную помощь учащимся.

А затем следовал специальный прием, несмотря на указ 18 февраля широко применявшийся для легализации требований общегосударственного, в данном случае социально-экономического характера. Он состоял в увязке этих требований с целями того или иного общества или кружка, установленными его уставом. «Для обеспечения населению возможности беспрепятственно пользоваться услугами просветительных учреждений, — требовала комиссия педагогического кружка, — необходимы коренные реформы, направленные к освобождению рабочих масс от чрезмерно продолжительного труда, не оставляющего места духовной жизни и поднятию их благосостояния, а именно, запрещение детского труда до шестнадцатилетнего возраста на фабриках и заводах и сельскохозяйственных экономиях, установление восьмичасового рабочего дня, не исключая сельскохозяйственных экономий, запрещение сверхурочных работ, конфискация всех удельных, кабинетских, монастырских, церковных и отчуждение крупных частновладельческих земель при посредстве местных организованных комиссий, состоящих в большинстве из представителей крестьянства, которые решают в каждом отдельном случае, каким должно быть отчуждение — платным или бесплатным; заведование всеми этими землями должно быть поручено областным общественным организациям, конфискация монастырских капиталов, отмена выкупных платежей и косвенных налогов на предметы массового потребления и введение прогрессивно-походного налога на доходы и наследства».

В заявлении содержались требования в области государственных преобразований, которым были опять предпосланы

слова о том, что требования эти — «необходимое условие свободной школы». Они предусматривали созыв «демократического представительства, облеченного всей полнотой государственной власти» на основе всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права («четырёхвостки»), политическую амнистию и свободу предвыборной агитации. Упоминание о том, что будущее представительство должно быть демократическим, являлось отличительной чертой документа. Однако наиболее выраженный революционно-демократический характер имел его заключительный абзац, который гласил: «В заключение собрание комиссии не находит нужным посылать выработанную им резолюцию в виде петиции в Совет министров, полагая, что все организованные правительством комиссии не могут дать стране ничего положительного, а потому решено довести о состоявшихся постановлениях до его сведения и огласить в обществе путем печати».¹²

Первым заявление подписал агроном А. П. Пуштырский, один из руководителей кирилло-белозерской организации РСДРП, вторым — Ф. Г. Чучин. Всего под документом было 65 подписей, в том числе учителей Г. Журавлева и И. Савватиева, которые активно участвовали в агитации среди крестьян вместе с Пуштырским, Чучиным, учителями Н. Поповым, Голубевым, председателем педагогического кружка Н. З. Маркеловым. Будучи сами сыновьями местных крестьян, члены социал-демократической группы одновременно с подготовкой постановления педагогического кружка проводили в Борисовской и Волково-Архангельской волостях крестьянские сходы, на которых также принимались тексты петиций. Как доносил директор народных училищ Новгородской губернии попечителю С.-Петербургского учебного округа, Пуштырский, Савватиев и Журавлев помогали крестьянам в составлении петиций, «причем из опубликованных в газетах петиций выбиралось в присутствии крестьян то, что подходило к их положению».¹³

Власти пришли в ярость по поводу «ловкого подстрекательства крестьян к подписанию прошений». И хотя по указу 18 февраля ничего противозаконного не совершалось, и члены группы, как должен был признать помощник начальника губернского жандармского управления, действовали, «ускользая от возможности преследования формальным порядком», решено было расправиться с ними. Деятельность их была признана нелегальной, а в вину им вменялось «распространение преступ-

¹²Там же, л. 488 и сл.

¹³Революционное движение в Новгородской губернии. С. 119.

ных петиций».¹⁴ Объявление петиций преступными было явным нарушением действовавшего еще указа.

30 мая был арестован Пуштырский, Журавлева и Савватиева в этот день отбили при аресте крестьяне, и их удалось арестовать, как и других членов группы, лишь через две недели, причем для подавления крестьян пришлось послать роту солдат.¹⁵ Революционной роли народных учителей как северных уездов, так и губернии в целом было посвящено специальное письмо губернатора в Совет министров (см. Приложение). Хлопотавший о должности вице-губернатора неперенный член губернского присутствия И. Ф. Кошко отмечал, что происходившие в губернии «кое-какие беспорядки» возникли «под влиянием агитации учителей и земского третьего элемента», и подчеркивал, что «это происходило преимущественно в Череповецком и Белозерском уездах, где издавна во главе земств стояли политиканствующие элементы».¹⁶ Происхождение рассматриваемых здесь крестьянских петиций следует объяснить особым вниманием, которое уделяли работе среди крестьян социал-демократы северных уездов губерний — Белозерского, Кирилловского и Череповецкого.¹⁷ Отметим, что в проникнутых боевым революционным духом прокламациях социал-демократов Кирилловского и Белозерского уездов «К крестьянам» (не позднее 26 января) и «К рабочим Ковжинских заводов» (не позднее 24 июля) находим ряд требований, присущих петиционной кампании, но выраженных в ярко революционной форме. В первой — это требования гражданских свобод, подоходного налога и созыва Всенародной думы, а во второй — наряду с ними и прямой призыв к участию в петиционной кампании, такому, которое было несовместимо с преобладавшей в ней верноподданнической формой. «Указом 18 февраля царь разрешил всем желающим подавать в Совет министров ходатайства о своих нуждах. Пользуясь этим, пишите всем заводом о 8-часовом рабочем дне, об увеличении заработной платы, главное же — о немедленном созыве Народного учредительного собрания,

¹⁴Там же. С. 119—120.

¹⁵Ромашова В. И. Революционное движение в Новгородской губернии в 1905—1907 гг. (вступ. статья) // Революционное движение в Новгородской губернии. С. 17—18.

¹⁶Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора: (1905—1914 гг.). Пг., 1916. С. 22.

¹⁷Ромашова В. И. Революционное движение... С. 16. О географической распространенности крестьянских выступлений в губернии в 1905 г. см.: Ткаченко Н. В. Крестьянское движение в Новгородской губернии в 1905—1914 гг. // НИС. Новгород, 1961. Вып. 10.

состоящего из свободно выбранных от всей России, в том числе и от рабочих», — говорилось в листовке. А заканчивалась она таким образом, что было совершенно ясно, что апелляция к указу — не дань царистским иллюзиям, а метод политической борьбы: «Помните, что счастье не дается даром, не приходит само. Его нужно завоевать. Итак, за дело, товарищи! Долой несправедливый порядок! Да здравствует Народный собор!»¹⁸

Вернемся, однако, к общему ходу петиционной кампании в губернии. Одновременно с принятием решения о средней школе Новгородская городская дума постановила ходатайствовать о выделении всех губернских и некоторых более значительных из числа негубернских городов в самостоятельную земскую единицу. Из менее населенных городов предполагалось при этом образовать отдельные мелкие земские единицы.¹⁹ Требование предоставления городам прав уездной земской единицы, которыми пользовались только Петербург и Москва, было почти что традиционным. Еще при утверждении городского положения 1870 г. существовало намерение урегулировать отношения между земствами и городами, но это так и не было сделано. Между тем население городов платило налоги не только в городскую, но и в земскую казну, однако представленные города в губернских земствах не были.

Теперь это требование было поставлено в связь с предстоявшим созывом представительства и порядком выборов в него и потому его удовлетворение рассматривалось как срочное. При этом считали, что либо в состав самого представительства, либо в булыгинскую комиссию для его разработки будут введены выборные представители земств.

Возражения против выбора членов представительства земствами находим в заявлении 116 жителей Тихвинского уезда, которые не без вызова назвали себя гражданами. Их заявление содержало распространенное радикальное требование избрания представительства по «четырёххвостке». Они требовали также присвоения представительству статуса законодательного собрания с правами законодательной инициативы, предания суду чиновников всех степеней и утверждения бюджета.²⁰ Требование скорейшего созыва представительства путем всеобщего, прямого и тайного голосования содержалось и в приговоре Чуриновского волостного схода Белозерского уезда

¹⁸Революционное движение в Новгородской области. С. 81, 115.

¹⁹ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 8, л. 63 и след.

²⁰ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 22, л. 106.

19 июня 1905 г. наряду с требованиями прирезки казенных земель, покупки земли государством для сдачи ее крестьянам в аренду, окончательной отмены выкупных платежей («сосчитав все ежегодные выкупные платежи, произведенные нами до настоящего времени, увидим, что стоимость земли покрыта с избытком»), уравнение крестьян в правах с другими сословиями.²¹

Обращение к документам из этой волости, как и к некоторым другим крестьянским прошениям, вообще показывает, что насущные крестьянские нужды превалировали в сознании крестьян-заявителей над общеполитическими вопросами, хотя связь между теми и другими сознавалась. 26 апреля крестьянин д. Глушково этой волости И. Е. Калинин в качестве уполномоченного Глушковского, Чикиевского, Мериновского, Колодинского, Шейкинского, Остюнинского, Саврасовского, Панкратовского и Росляковского сельских обществ препроводил в Совет министров приговоры этих обществ о дополнительном наделении их земель из казенных дач. «Главным основанием такого ходатайства, — писал он, — служит общая бедность крестьян». Причин ее он насчитывал восемь — полное отсутствие в наделах лесных угодий, малое количество удобной земли (на одну наделную душу приходилось в среднем 4,2 дес., и хлеба едва хватало на полгода, а кормов скоту на одну лошадь и корову), малое количество домашнего скота (2 лошади, 3 коровы и 3 овцы), отсутствие собственной земли, местных промыслов и ремесел, значительность суммы податей (7½ р. с надела, что составляло 1/8 часть всего дохода с земли), частые неурожаи из-за неблагоприятных климатических условий, малограмотность и малокультурность населения. «При этом добавляю, — заключал И. Е. Калинин, — не будь у нас посторонних заработков, как рыбной ловли, извоза и конной тяги судов по канату, тогда в неурожайные годы без выдачи в ссуду ржи и семян крестьяне давно бы совершенно разорились».²²

Приговоры обществ содержали просьбу крестьян о выделении им леса из казенной дачи «Селезениха», за который они обязывались платить «каждый год безнедоимочно». Вместе с прошениями приговоры свидетельствовали о значительном имущественном неравенстве в среде крестьян-просителей. Наряду с указанными И. Е. Калинин цифрами скота (очевидно средними) среди крестьян было много вовсе безлошадных, ибо

²¹ Там же, д. 26, л. 86 и след.

²² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 9, л. 18—19.

они фигурируют в каждом из 9 приговоров при малых размерах деревень, почти каждая из которых не насчитывала и двух десятков дворов.²³ Тексты приговоров были одинаковы. Лишь в один из них — из деревни Мериново — была включена еще и просьба о прирезке небольшого участка наделной земли, о чем крестьяне хлопотали 30 лет, но дело осталось, по их словам, «в тунях и по настоящее время».²⁴

Крестьяне д. Туриково 24 апреля послали по аналогичному поводу специальное ходатайство, на котором следует остановиться подробнее как на безыскусном, но тем более выразительном повествовании о полной незащитности крестьян перед административными властями и бесправии перед царской юстицией. «Из древности по существующим правам, — писали крестьяне, — считается за нами и следует нам 241,6 десятин наделной земли, а в действительности находится в нашем пользовании только 162 десятины». В 70-х гг. был установлен «недостаток земли в 79½ десятин против числящегося количества земли во владенной записи». С тех пор, — указывалось в прошении, — «и до настоящего времени, т. е. уже более 30 лет, и ходит наше дело по разным административным местам. В течение этого долгого времени наше дело, начиная с волостного правления и кончая Правительствующим сенатом, сделало полный оборот вперед и обратно до трех раз. Но к сколько-нибудь определенному разрешению оно все-таки не продвинулось ни на шаг. Правда, в 1884 г. г-ном министром внутренних дел было поручено Белозерскому лесничему удовлетворить нас в недостающем количестве земли, но удовлетворения не последовало. В 1891 г. 16 августа уездным присутствием было постановлено приступить к поверке наделов смежных нам деревень, но 31 августа этого же года это постановление в том же присутствии отменилось другим постановлением, губернским присутствием подтвержденным, а указом Правительствующего сената отмененным».²⁵

С течением времени, по-видимому, в связи с обезлюдением деревни (в 1905 г. в ней осталось всего 7 дворов) крестьяне стали страдать не от недостатка земли, а от переобременения ее платежами, десятилетиями взимавшимися и за недоданное ее количество. Они ходатайствовали о сложении платежей, и, «наконец», в 1892 г. губернское по крестьянским делам присутствие постановило «за недостающее количество земли сло-

²³ Там же, л. 20—28.

²⁴ Там же, л. 20.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 9, л. 62—64.

жить подати, а переплату за прежние годы возвратить или зачислить в счет будущих платежей». Но в следующем 1893 г. Сенат отменил это постановление, «так как хотя переплаченная сумма, по мнению Сената, и правильна, но преждевременна для удовлетворения, потому что самый вопрос не решен». Ни Сенат, ни губернское присутствие так больше к этому делу и не возвращались. «Чтобы сколько-нибудь ускорить дело к разрешению, — писали крестьяне, — мы неоднократно и устно, и письменно обращались за помощью к г-ну губернатору, который всякий раз успокаивал нас, обещая сделать все, что от него зависит, уезжал из города, а дело тем и кончалось, оставляя нас в полном недоумении... При составлении выкупного акта нам было объявлено, что сумма, равная 20-годовичным взносам, будет считаться полным выкупом в собственность. Со времени оценки земли, т. е. с 1852 г., по текущий год за недостающее количество десятин внесено нами 52 годовичных взноса. Эта сумма ($52 : 20 = 26 \frac{1}{2}$) составит $26/10$ выкупа за недостающее количество. Следовательно, этой переплатой у нас выкуплено земли около 205 десятин. Кроме того, в этот расчет не входят платежи государственного поземельного налога и земских сборов. Если же принять в расчет и те взносы, которые в течение 52 лет поступали от нас за остальные $2/3$ надела, которыми мы в действительности и пользуемся, то и окажется, что наш весь числящийся за нами надел в $241 \frac{6}{10}$ десятинны с избытком уже выкуплен. На основании вышеизложенного за последние годы мы делали подлежащему начальству заявления, в которых подробно излагали обстоятельства дела и просили перевести землю в собственность и установить раскладку окладных сборов на новых основаниях. На такие заявления начальство со смехом или угрозой отвечало нам одно и то же: „Мы знать не знаем про ваше дело, да и знать не хотим. Судитесь — судитесь сколько хотите, а подать платить платите. В противном случае отберем вашу землю и передадим ее другим”».

За изложением этой просьбы следовала политическая часть петиции со ссылкой на «описанную выше печальную историю», а также «ряд других подобных наблюдений». Требование созыва представительства сопровождалось жалобами на отсутствие гражданских свобод, зависимое положение общего и крестьянского суда и т. д. Здесь наряду с элементом крестьянского цезаризма («Верим мы тебе, государь. И только тебе одному») и жалобами на «чиновное начальство и государевых советников» были и другого рода мотивы. Они звучали в словах «внутренние крестьянские и кровавые рабочие волнения, нам

очень понятные», и «несчастливая, но бесконечно поучительная война с Японией».

Все эти выражения находим и в петиции крестьян села Мегры того же Белозерского уезда, составленной 1 мая, и деревни Челексы Мегринской волости, содержащих те же политические требования.²⁶ Здесь можно с несомненностью усмотреть частичную общность текстов, связанную с революционной агитацией социал-демократических групп в петиционной кампании.

В целом, как видим, радикальные требования в петициях земских и городских организаций были в значительной мере обязаны своим происхождением влиянию крестьянской демократии. Что же касается самих крестьянских петиций, то осуществление заветных крестьянских чаяний по сути дела связывалось в них не с монаршей милостью, а с созывом представительства.

---

²⁶ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 18, л. 17 и след., л. 123 и след. Как и петиция из Турикова, петиции крестьян с. Мегры и д. Челексы содержали жалобу местного характера. За десять лет до того Министерство путей сообщения для увеличения провозоспособности Мариинской системы построило на р. Шексне шлюзы с плотинами, а также плотину в истоке Шексны из озера Белого. Но так как русло реки, — жаловались крестьяне, — сужено на 2/3, то крестьянские земли оказываются надолго затопленными в весеннее половодье и заболоченными. Все ходатайства о помощи в течение семи лет оставались безрезультатными.

ПРИЛОЖЕНИЕ

20 июля 1905 г. — Письмо Новгородского губернатора графа О. Л. Медема заведующему делами Совета министров барону Э. Ю. Нольде

Милостивый государь, барон Эммануил Юльевич.

Вследствие письма от 2 сего июля за № 2807* имею честь уведомить Ваше превосходительство, что в составлении выработанной комиссией Кирилловского педагогического кружка резолюции, представленной в Совет министров, главное участие принимали съехавшиеся специально для этой цели в город Кириллов учителя народных училищ северных уездов Новгородской губернии, большинство коих членами названного кружка не состоят. Собрание происходило в начале июня с. г. во время моего личного пребывания в городе Кириллове при проезде для обозрения губернии. Узнав об этом не разрешенном подлежащей властью и незаконном с точки зрения устава кружка собрании, я через местного инспектора народных училищ предложил его участникам во избежание моего вмешательства разъехаться, ввиду чего следующее заседание, предполагавшееся в здании городского училища, не состоялось.

Между народными учителями Новгородской губернии замечалось всегда, особенно же в последнее время, стремление войти между собою в более тесное общение с целью образования сплоченной организации, могущей оказать противодействие различного рода стеснениям, будто бы препятствующим как правильному отправлению принятых ими на себя обязанностей по образованию народа, так и спокойной личной жизни. Подобного рода стеснения, по мысли многих из них, возможны главным образом потому, что каждый учитель, являясь одиночной бесправной личностью, не в состоянии бороться с царящим всюду произволом, достойный отпор коему может дать лишь тесно сплоченный союз с руководящей идеей «все за одного и один за всех». В этом стремлении к более тесному общению замечается и другая цель — воспитание учителей округи в известном политическом направлении, весьма успешно достигаемое лицами, стоящими во главе дела как из среды учителей, так и из числа некоторых земских деятелей, врачей и других лиц, служащих по зем-

---

* Нольде был вынужден запрашивать губернаторов о политической благонадежности авторов петиции.

ским учреждениям. Ведущаяся ими с большим успехом среди учителей пропаганда, осуществляемая главным образом на указанных частных собраниях и различного рода съездах, на коих вырабатываются программы действий и преподаются надлежащие инструкции, приводит к усиленному распространению чрез участников съезда противоправительственной агитации среди народа и даже малолетних учащихся земских школ, что для учителей ввиду их постоянного общения с народом является делом весьма нетрудным, для местной же полицейской власти почти неуловим. В значительной степени этому содействуют две земские учительские семинарии в городе Новгороде и Череповце и земская же сельскохозяйственная школа, также часто выпускающая учителей народных школ. Как состав преподавателей этих школ, так и самая постановка дела в них оставляет желать лучшего, так как выпускаемые оттуда учителя за редкими исключениями являются лицами самого вредного направления, воспитанными главным образом на чтении запрещенной литературы и мнящими себя ввиду этого самыми просвещенными людьми, призванными сеять подобного рода просвещение и в народе. Многие из них, будучи уличенными в преступной агитации, привлекались к дознаниям по обвинению в государственных преступлениях и несли наказания, но это не препятствовало им, по отбытии положенных наказаний, в большинстве довольно значительных, продолжать свою прежнюю деятельность. Самое же привлечение их к судебной ответственности ввиду трудности уличения в содеянном преступлении и указанной мною выше неуловимости агитаторской их деятельности в редких случаях бывает возможно и весьма часто оканчивается прекращением дела до суда или же оправданием на суде, что с введением в действие закона 7 июля 1904 года, внесшим в дело преследования политических преступников значительные изменения в пользу последних,* случается нередко. Что касается надзора за деятельностью учителей со стороны чинов Министерства народного просвещения, то таковой далеко не везде осуществляется вполне правильно, наоборот, со стороны означенных лиц нередко можно видеть прямое попустительство, иногда же наиболее подозрительным из них оказывается заметное предпочтение в виде предоставления лучших мест и других служебных преимуществ. Объясняется это отчасти некоторой зависимостью инспекторов народных училищ от местных земств, в большинстве считающих

---

* Закон этот расширял судебную ответственность за политические преступления за счет административной и потому подвергался критике со стороны представителей административных властей.

своей прямой обязанностью покровительствовать всем неблагонадежным элементам.

Сообщая об изложенном на усмотрение Вашего превосходительства, имею честь объяснить, что подписавшие представленную в Совет министров резолюцию учителя в большинстве случаев являются или активными деятелями противоправительственной пропаганды среди народа, или же подписавшими ее под влиянием зажигательных речей упомянутых неблагонадежных лиц, причем особенное значение имел на заседании агроном Белозерского уездного земства Пуштырский, привлеченный ныне к дознанию по обвинению в государственном преступлении и заключенный в Череповецкую тюрьму.

Прошу Ваше превосходительство принять уверения в моем совершенном почтении и преданности.

Граф Медем.

ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 24, л. 485—487.